

ИСТОРИЯ РУССКОЙ НЕФТИ

О КОТОРОЙ МЫ ТАК МАЛО ЗНАЕМ

1700-1922

УДК 622.323(470)(091)
ББК 33.361
И 26

Книга основана на исследованиях
доктора экономических наук А. ИГОЛКИНА

Составители благодарят Л. Жукову, А. Локтева,
Н. Трякину за предоставленные материалы

**И 26 История русской нефти, о которой мы так мало знаем,
1700–1922 / Сост. А. Иголкин, Ю. Горжалцан. — 2-е изд., испр. —
Москва : Издательство «Олимп-Бизнес», 2024. — 200 с.: ил.**

ISBN 978-5-9693-0532-8

Книга «История русской нефти, о которой мы так мало знаем» рассказывает о начале, становлении, расцвете и проблемах нефтяной отрасли в нашем государстве. Хронологические рамки этого захватывающего и драматичного повествования — 1700–1922 годы.

Огромная часть сведений основана на малодоступных печатных источниках и архивных документах. Богатейший иллюстративный материал практически целиком взят из московских архивов и дополнен материалами из цифровых коллекций РГБ и Национальной библиотеки Франции. Хорошо известные исторические факты приобретают на страницах книги совсем иное звучание.

Задачей составителей было рассказать о взлетах и падениях русской нефти и помочь читателям лучше понять, что происходило в дореволюционной России и в первые годы СССР, а возможно, и разобраться во многих современных проблемах.

Ранее книга выходила под названием «Русская нефть, о которой мы так мало знаем».

Это подарочное издание станет отличным украшением библиотеки специалиста-нефтяника, историка или отраслеведа, а также будет интересно широкому кругу читателей.

УДК 622.323(470)(091)
ББК 33.361

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Вступление в тему	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	НОВАЯ, МНОГООБЕЩАЮЩАЯ ЭРА	
Глава первая	У истоков нефтяной реки	8
Глава вторая	От кустарного промысла к промышленной добыче	25
Глава третья	Отмена нефтяного крепостничества	39
Глава четвертая	Нестареющее наследие девятнадцатого столетия	43
Глава пятая	Теория прибыли и практика убытков	54
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ: УЧЕНЫЙ, ИНЖЕНЕР, ПРОМЫШЛЕННИК	
Глава шестая	Научный свет в земных глубинах	62
Глава седьмая	Человек-фабрика	70
Глава восьмая	Нефтяная империя Нобелей	80
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	НАЧАЛО НОВОГО ВЕКА	
Глава девятая	Триумф и падение русской нефти	100
Глава десятая	Смутные времена	121
Глава одиннадцатая	Гибель старой России	139
Глава двенадцатая	Помимо Апшерона	149
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	ИСТОРИЯ, НАПИСАННАЯ НЕФТЬЮ	
Глава тринадцатая	Главная военная добыча	162
Глава четырнадцатая	Накануне бури	172
Глава пятнадцатая	Загадка Алгембы	176
Глава шестнадцатая	Дорога в пропасть	185
Глава семнадцатая	Новая старая политика	191

Часть первая

НОВАЯ,
МНОГООБЕЩАЮЩАЯ
ЭРА

У ИСТОКОВ НЕФТЯНОЙ РЕКИ

2003 год — знаменательная и символическая дата.
Это год 300-летия российской нефти,
богатейшего источника отечественных доходов.

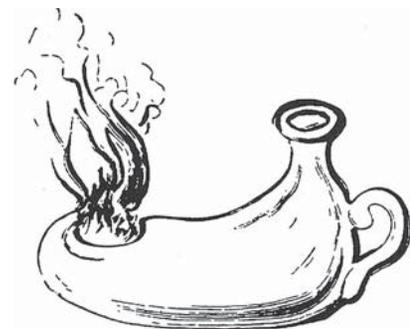
У здревле на протяжении тысячелетий людям были известны главные свойства «черной крови земли». Исток этого знания канул в Лету, как не сохранились и имена первых добытчиков и переработчиков нефти. Были они чрезвычайно пытливыми и изобретательными технологами, умевшими не только найти применение этому удивительному дару земных недр для освещения и отопления, но и использовать его в разнообразнейших целях, в том числе медицинских и даже военных. Есть сведения о том, что нефть еще в Древнем Египте добавляли в бальзамирующие составы, а средневековые москательщики Европы — в олифу, чтобы краски ложились ровным слоем.

Само слово «нефть» — восточного происхождения. В европейских языках оно пришло из персидского (новоперсидское *nafth*), но разными путями. К нам персидское слово попало благодаря посредству турецкого языка (*neft*), а в западноевропейские — через греческий (*naphtha*). В западноевропейских языках есть и другое название нефти или ее производных (бензина) — *petrol*, *Petroleum*, *peátrole*. Оно заимствовано из средневековой латыни, где представляет собою искусственное сложение двух слов: греческого *petr(os)* «камень» и латинского *ol(eum)* «масло». В некоторых языках, сильнее сопротивляющихся прямому заимствованию, встречаются кальки (или полукальки) с латинского названия нефти: например, немецкое *Erdöl* — буквально «земляное масло» (*Erde* — «земля»), венгерское *kőolaj* — «каменное масло» (*kő* — «камень»), финское *vuoriöljy* — «горное масло» (*vuori* — «гора»).

По поводу происхождения слова в самом персидском языке среди ученых-этимологов существуют разногласия. Одни считают, что персидское *nafth* «нефть» является исконным и восходит к древнеиранскому слову со значением «влажный» (авестийское *napta*). Поскольку иранские и славянские языки состоят в родстве (они принадлежат к индоевропейской языковой семье), неудивительно, что в русском языке находятся слова, относящиеся к тому же праязыковому корню: индоевропейское **nabh* — это наше слово «небо».

Античная римская лампада

Глиняный светильник чигар

На южном побережье Каспия горели факелы природного газа, спутника нефти. Видимо, в таких местах и возводились храмы огнепоклонников; руины одного из них, датированного III в. до н. э., сохранились на Апшероне, в Сураханах (см. фото на с. 10). Факелы эти, «огонь неугасимый», наблюдал еще в 1466 году тверской купец Афанасий Никитин, которого неугасимое «хождение» занесло в Баку. Он оставил сведения, что отсюда вывозили нефть для заполнения глиняных светильников, «чигар», и для лечебных целей — помогала при кожных заболеваниях.

Понять неожиданную на первый взгляд смысловую связь, предлагаемую таким сопоставлением, несложно, если привлечь родственные слова других индоевропейских языков: санскритские *nábhas* «облака», «небо», *nabhasá* «наполненный испарениями», «небо», «период дождей», греческое *nephelē* «облако», латинское *nebula* «туман», немецкое *Nebel* «туман»...

Итак, в буквальном значении нефть — это просто «нечто влажное, жидкость». С другой точки зрения — по-видимому, более надежной — персидское *naft* заимствовано из семитских языков. Аккадское (ассирийское) слово *naptu* «нефть» происходит от семитского глагольного корня *npt* с первоначальным значением «плевать, харкать» — далее «извергать, исторгать» (арабское *naft*, *nafta* — «извергнутое, исторгнутое»). Стало быть, исходное значение слова «нефть» — «нечто исторгаемое (землею)».

Так и текла бы нефть в истории мирной рекой, и возле нее молились бы, грелись и лечились, если бы не хитроумные греки, которые превратили ее смесь с серой и селитрой в грозное оружие — знаменитый «греческий огонь». Испытать его на себе довелось нашим предкам в 941 году, когда, как утверждает «Повесть временных лет», киевский князь Игорь поднялся на Царьград большой силой в тысячу ладей. Византийский флот под командованием императора Феодана встретил русских в Босфоре возле Искреста — маяка со светильником. Воины Игоря выманили греков в открытое море и понадеялись, при безветренной тишине, взять врага на abordаж. С греческих судов десятки катапульта обрушили на пришельцев град сосудов с горящим составом. Немногие спасшиеся поведали: был огонь «как есть молонья, что на небесах». Воины бросались за борт и пытались «убрести», но кольца тянули на дно, а нефть горела и в воде...

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Второго января 1703 года газета «Ведомости», для которой новости отбирал сам царь Петр Великий, сообщала: «Из Казани пишут, на реке Соку нашли много нефти...». Это было первое документальное упоминание о русском нефтяном месторождении.

Нефтяное дело в России, как и многое в отечественной промышленности, начиналось во времена Петра Великого. В 1700 году высочайшим указом был учрежден Приказ рудокопных дел, которому надлежало ведать недрами Российской империи. «Наше русское государство, — писал царь, — перед иными землями преизобилует и потребными металлами, и минералами прелегословно есть, которые до настоящего времени без всякого прилежания исканы. Надо, чтобы Божье благословение втуне под землей не оставалось». Через несколько лет «вода горяща» была найдена на территории России.

Часть первая. Новая, многообещающая эра

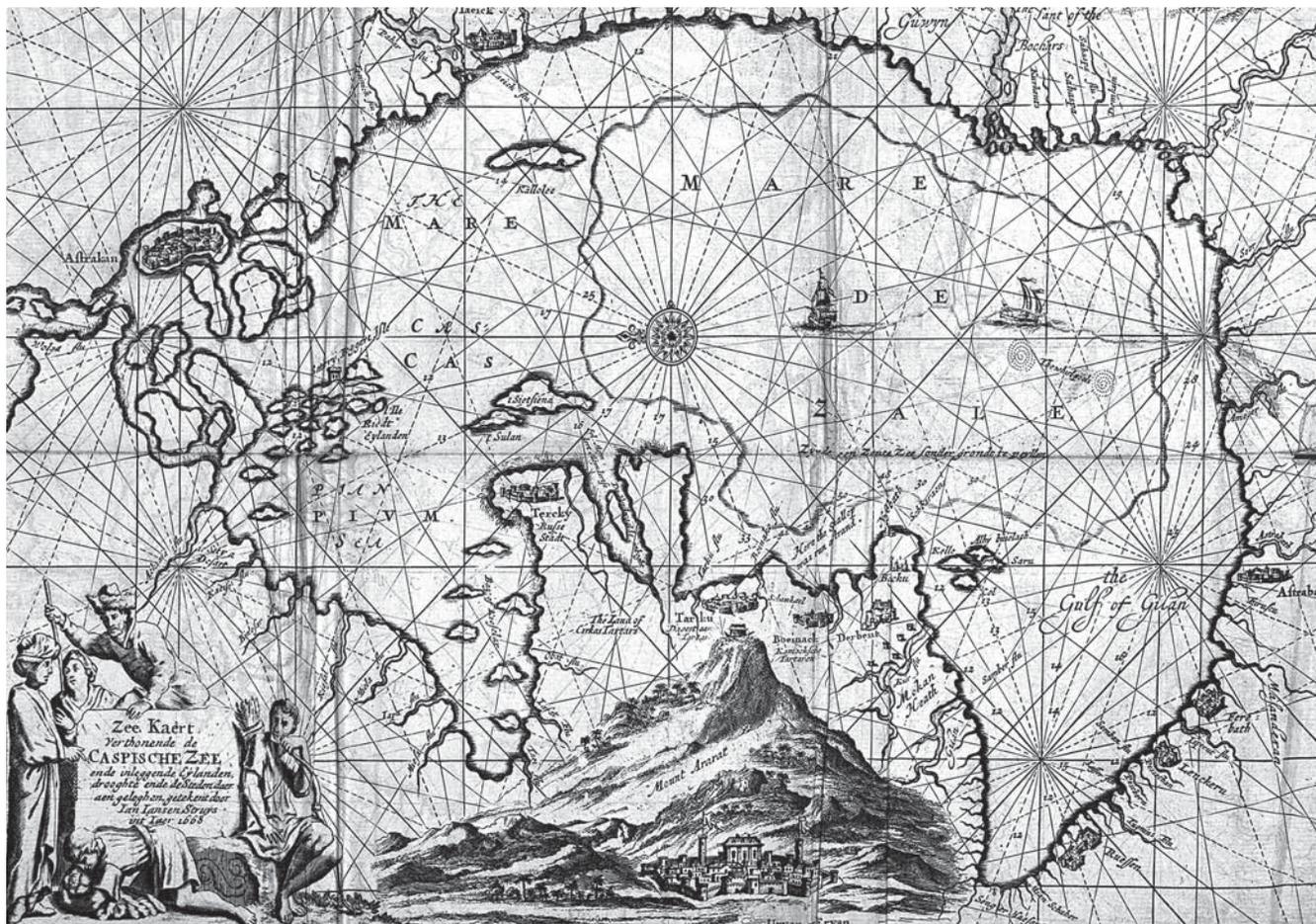

Храм огнепоклонников
Атешгях на окраине
селения Сураханы
близ Баку, 1890 г.

Фотограф М. Richtenberger

Карта Каспийского моря

Из первого издания
«Трех путешествий...»
Яна Янсена Стрейса. 1668 г.

Михаил Васильевич Ломоносов первым исследовал образцы ухтинской нефти и создал органическую теорию происхождения нефти

Гравюра Э. Фессара и К. А. Вортмана. 1757 г.

**БѢЛОЙ НЕФТИ
ТЫСЯЧУ ПУДОВЪ
ИЛИ СКОЛЬКО
ВОЗМОЖНО
ПРИСЛАТЬ,
ДА ПОИСКАТЬ
МАСТЕРА**

Петр I

Из указа Петра I

К сожалению, до разработки месторождения в то время руки не дошли, хотя и высказался Петр, что «сей минерал, если не нам, то нашим потомкам весьма полезен будет». Тем не менее уже в 1721 году о нефтяных источниках на реке Ухте, что в Пустозерском уезде, доносил в Берг-Коллегию (бывший Приказ рудокопных дел) знаменитый русский инженер Григорий Черепанов. Образцы находки доставили в Санкт-Петербург, доложили об этом Петру. Царь проявил горячий интерес, даже приказал собрать для обсуждения «нефтяного дела» знающих людей – что-то вроде научного совета; однако сразу не получилось, потом задумка была погребена под грудой государственных забот, а через четыре года царь скончался.

В 1586 году район Дербента и Баку со всеми его природными богатствами персидский шах Годабенд официально уступил России. Но в то время местность была захвачена турками, и справиться с ними царю Федору Иоанновичу не удалось. Русские войска впервые пришли сюда лишь при Петре I. В 1723 году он отправил генерал-лейтенанту Матюшкину «промеморию», где повелел «белой нефти тысячу пудовъ или сколько возможно прислать». Рядом стояли пункты о присылке «фруктов сухих» и «цитронов, сваря в сахаре». Получил царь лишь лакомства, потому что турки снова заняли Прикаспий, и с нефтью пришлось повременить еще несколько десятилетий. Твердой ногой Россия стала в Баку в 1806 году, после того как турки были разбиты на реке Аракс генералом Глазеновым. Окончательное же владение закрепил Гюлистанский мир 1813 года. Отсчет российским нефтяным промыслам в Баку следует вести с 1821 года, когда неглубокие копаные колодцы были отданы на откуп одному из будущих предпринимателей – Мирзоеву.

На протяжении долгих лет Баку во всем мире оставался единственным местом промышленной нефтедобычи.

Отопление ледяного дома

Горючие свойства нефти были давно известны в России. И долго она оставалась веществом редкостным, раритетным, привозимым из далеких экзотических стран. Представить себе, что нефть может стать широко потребляемым топливом в изобильной дровами России, могли только «продвинутые» ученые люди. Едва ли не первое свидетельство о многопудовом использовании нефти мы встречаем в романе Ивана Лажечникова «Ледяной дом». История эта и сегодняшнего читателя поражает своей фантастичностью.

В январе 1740 года, памятного всей Европе жуткими морозами, императрица Анна Иоанновна давала большой «потешный праздник» по случаю свадьбы своего шута Голицына. На Неве был выстроен ледяной дворец, где с великим искусством всё было сделано изо льда: мортиры, стреляющие настоящими ядрами; огромный слон, с ревом выбрасывающий из хобота зажженную нефть; дельфины, из челюстей которых извергались огненные нефтяные

фонтаны. Освещали дворец «несколько шандалов со свечами, которые по ночам, будучи нефтью намазаны, горели», а отапливал «резной работы комель», где лежащие ледяные дрова, «нефтью намазанные, многократно горели». Все эти невероятные картины взяты из ученого описания очевидца – академика, «физики профессора» Георга Вольфганга Крафта. Нефть, которой отапливался ледяной дворец, была доставлена в Санкт-Петербург, скорее всего, с берегов Каспия.

На берегу Ухты

О Пустозерске вспомнили лишь через 24 года после того, как Петр Великий впервые обратил внимание на ухтинскую нефть и даже посылал ее пробы в Голландию. В 1745 году купец Архангельского посада Федор Саввич Прядунов отправился на пустынные берега Ухты налаживать добычу нефти.

История чем-то сродни спорту. Имя пришедшего первым помят все, идущий за ним нередко остается неизвестным. До сих пор существуют разные версии по поводу того, кто первым в России построил заводскую установку по переработке нефти. До этого нефть перегоняли («передваивали») в лабораторных колбах и продавали в аптеках для лечебных целей. Лефорт в своих записках рассказывал о том, как в Немецкой слободе в Москве показывал молодому Петру склянки с белой «передвоенной» нефтью.

Окрестности реки Печоры на Русском Севере были местами мрачными и неприкаянными – сюда ссылали неугодных царскому дому людей. Поистине сильным и смелым человеком надо было быть, чтобы добровольно отправиться в этот опальный край для налаживания промышленного дела. Согласно историку С. Сергиенко, ссылающемуся в свою очередь на А. Крупского, пионером в этой отрасли был купец Набатов, запустивший в 1745 году на реке Ухте установку по очистке, или «передваиванию», нефти. Налажен был завод «по мысли» Петра.

Купец Набатов добывал на Ухте нефть ямами и колодцами, которых насчитывалось до сорока. Очищал ее и продавал в Москву для медицинских нужд в небольших количествах – всего до тысячи пудов в год. Правда, С. Обручев считает, что Набатов отправлял в московские аптеки до 16 тонн керосина ежегодно, а сырую нефть продавал за границу. После смерти Набатова завод сгорел, и эксплуатация месторождения прекратилась.

Даже если купец Набатов и был первым, то купец Федор Прядунов «отстал» от него всего лишь на год. В 1746 году на той же самой Ухте он построил свой нефтяной завод. Похоже, Прядунов имел немалый опыт рудознатца: есть сведения, что он открыл серебряные рудники на острове Медвежьем. На заводе он очищал нефть, добытую из расположенного рядом нефтяного источника. По описаниям академика И. Лепехина, над самим нефтяным ключом был выстроен небольшой сруб полуметрового колодца, из которого черпали нефть. Кстати, местные крестьяне

еще до Прядунова использовали «речной деготь», собирали его с поверхности воды обычным веником из полыни, как сливки с молока...

На своем заводе Прядунов получал очищенный нефтепродукт светло-желтого цвета, типа керосина. Его отправляли в Москву и Петербург, где использовали в аптеках, а также, в смеси с растительным, как осветительное лампадное масло. К сожалению, описание и чертежи завода Прядунова не сохранились. Известно лишь, что его строительство обошлось в 500 рублей, а обслуживали завод три-четыре человека.

Косвенным доказательством того, что «передваивание» нефти шло посредством перегонки, служат сведения о запасах угля на заводе. Учитывая, что смолокурение в XVIII веке было широко развито в целом ряде областей, в том числе и на Ухте, а вывозили древесную смолу из этих районов за границу через Архангельский порт, вполне можно предположить, что Федор Прядунов был знаком с техникой смолокуренного производства и использовал ее при создании нефтеочистительного устройства. Перегонять нефть он мог при помощи одного из перегонных котлов или кубов, которые в то время уже производились заводским методом.

Судьба Федора Саввича Прядунова сложилась трагично. Устроитель нефтеперегонного завода за неуплату десятичного налога на добытую нефть заключен был в долговую тюрьму, где и умер в марте 1753 года после двухлетнего заточения. Долг его, кстати, равнялся тридцати пяти рублям двадцати трем копейкам. Немного же нажил купец на нефти...

После смерти Прядунова дело его переходило из рук в руки, но, так и не найдя настоящего хозяина, производство заглохло.

Остатки «нефтеперегонного завода» обнаружил в начале прошлого века известный исследователь Русского Севера академик Т. Борноволоков. Находка позволила со всей определенностью утверждать: Прядунов изобрел процесс перегонки нефти на кубовой установке, что в то время являлось мировым приоритетом. Высокие качества ухтинской нефти отметил в своих исследованиях Ломоносов, который именно на материале этих образцов создал первую теорию органического происхождения нефти, тем самым заложив базу для развития нефтяной науки.

«СРЕДИ БЕСПРОСВЕТНЫХ ОПАСНОСТЕЙ»

Россия уже стояла на пороге нефтяного бума, и драматические судьбы первопроходцев проторили дорогу тем, кто пришел им на смену и повел дело с поистине российским размахом.

Перегонный куб братьев Дубининых

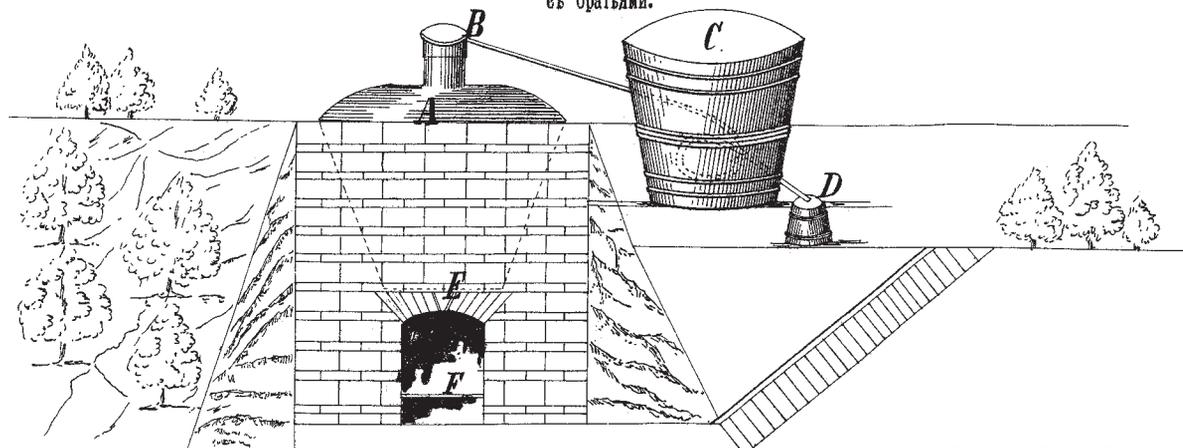
Возникновение переработки нефти в нашей стране связано с именем братьев Дубининых. Крепостные крестьяне графини Паниной, братья Василий, Герасим и Макар жили в селе Нижняя Ландиха Гороховецкого уезда Владимирской области и занимались перегонкой древесной смолы.

В 1817 году Кавказ был присоединен к России. Из густонаселенной центральной части страны началось переселение людей в новые районы. Братья Дубинины были отпущены на оброк с ежегодной выплатой графине определенной суммы; так в начале двадцатых годов XIX века братья приехали на Северный Кавказ.

ЧЕРТЕЖЪ ЖЕЛѢЗНАГО КУБА
ДЛЯ ПЕРЕГОНКИ БѢЛОЙ НЕФТИ

изобрѣтеннаго Панины Крестьяниномъ Василиемъ Алексѣевымъ Дубининымъ

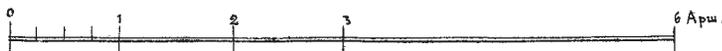
съ братьями.

А. Желѣзный кубъ.

В. Мѣдная крышка съ трубою.

С. Деревянный пересякъ.

Д. Ведро.

Е. Кирпичная печь.

Ф. Точка съ поддувалою.

Чертеж железного куба
для перегонки нефти
братьев Дубининых

Принципы производства на заводе братьев Дубининых были передовыми для своего времени. Это подтверждается также тем, что первые 15–20 лет (1859–1880) развития нефтепереработки на всех нефтеперегонных заводах, российских и американских, применялись кубы периодического действия. От дубининского они отличались лишь размерами да некоторыми несущественными конструктивными изменениями. Весьма вероятно, что принцип работы куба Василия Дубинина наблюдал у себя на родине — во Владимирской губернии, где широко было развито смолокурное и скипидарное производство.

В 1823 году под руководством Василия Дубинина и по составленным им чертежам братья построили в городе Моздоке нефтеперегонный завод, состоящий из одного перегонного куба емкостью около 500 литров, вмазанного в кирпичную печь с поддувалом. Куб накрывали медной крышкой, от которой через деревянный перешеек, наполненный водой, шла медная труба. Нефть нагревалась в кубе, образовавшиеся ее пары проходили через трубу (змеевиковый холодильник погружного типа), конденсировались — и керосин (конденсат) стекал в ведро. Из 40 ведер нефти Дубинины получали 16 ведер керосина, который отправляли на рынки Москвы, Нижнего Новгорода и других городов России. Тяжелый остаток (мазут) использовали на месте для смазки колес и конной упряжи. Завод просуществовал до 1847 года, на нем были выработаны тысячи пудов керосина.

Патриоты Дубинины хорошо понимали значение нефтяного дела для своего отечества. Они хотели широко развить добычу и переработку нефти на Кавказе, передать свой опыт местным народам. Братья стремились наладить отечественное производство осветительного масла из нефти и вытеснить с русского внутреннего рынка дорогие и низкокачественные заменители керосина, привозимые в нашу страну под самыми причудливыми названиями. Не раз они обращались к властям с предложениями по этому вопросу: «Мы, Дубинины, более 20 лет при добывании в горах нефти, среди беспросветных опасностей от неприятельских нападений горских народов, непрерывно усердствуем желанию

Правительства...». Но само царское правительство не поддержало начинания братьев Дубининых. Царский наместник на Кавказе полковник Принц отказал им даже в самом скромном кредите. Единственным официальным откликом на деятельность братьев явилось награждение Василия Дубинина 13 октября 1847 года серебряной медалью на Владимирской ленте с надписью «За полезное». Однако в том же году, не имея средств на продолжение своей деятельности, братья были вынуждены прекратить работу.

Скважина, поглотившая состояние

Вернемся снова на берега Ухты. В 1868 году в эти места пришел архангелогородец Михаил Сидоров, разбогатевший на благородном металле, на золотых приисках. Тогда же он «со товарищи» заложил первую скважину, но так и не дошел до промышленных пластов из-за поломки бура. Неудачи в течение 20 лет преследовали нефтедобытчика, поглотив всё его крупное состояние.

«Несмотря на все препятствия, я употреблял все усилия положить начало нефтяному промыслу и тем принести пользу своей Родине. И будущее поколение не упрекнет нас за то, что мы не заботились о его благосостоянии, напротив, будет нам благодарно», — писал Сидоров в последние годы своей жизни.

РУССКИЙ ЛАФФИТ, или ИСТОРИЯ КЕРОСИНА

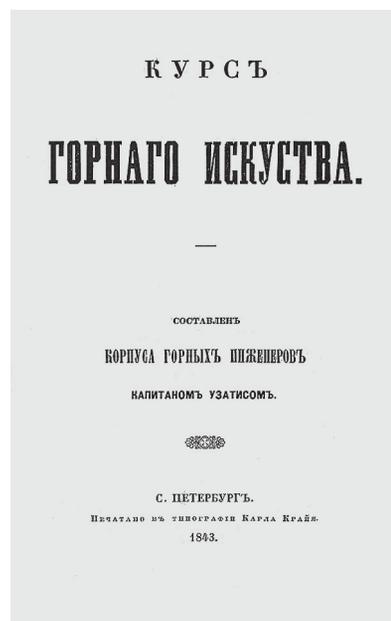
Российская казна всегда была озабочена изобретением способов получения дохода от хозяйственной деятельности своих подданных и неустанно в этом усердствовала. Так, вплоть до 1872 года в нефтяной отрасли применялась откупная система. Каждые четыре года казна сдавала откупщикам нефтеносные участки за плату примерно от ста тысяч до полутора тысяч рублей. Они же, откупщики, вступали в прямые отношения с производителями — добытчиками и переработчиками — и выставляли им цены, которые считали нужными и выгодными для себя. При подобном произволе крупному керосиновому заводу было трудно выжить, и поэтому переработка осуществлялась мелкими, «атомистическими» предприятиями, применявшими кустарную малозатратную технологию.

И откуп, и завод

В 1861 году в Сураханах заработал керосиновый завод В. А. Кокорева, перерабатывающий более полутора тысяч тонн нефти в год — объем по тем временам небывалый. Он нашел единственный способ обойти откупщика-посредника: соединил в одном капитале и откуп, и финансирование промышленной переработки. Для этого

Нефтяная вышка на берегу реки Ухты

Титул книги А. И. Узатиса «Курс горного искусства». 1843 г.

**Василий Александрович
Кокорев**

требовались, во-первых, очень большие деньги, во-вторых, терпеливый расчет на нескорую прибыль и, в-третьих, откупщицкие навыки, заключающиеся в умении уладить дело с нужными чиновниками.

Эти качества в полной мере сошлись в хозяине керосинового завода Василии Александровиче Кокореве — силовике российско-го купечества середины XIX века: крупнейшем винном откупщи-ке, коммерции советнике, купце первой гильдии, вставшем у исто-ков отечественного керосинового дела.

Василий Александрович Кокорев родился в 1817 году в старо-обрядческой семье, принадлежавшей к крайнему крылу — бес-поповскому поморскому согласию. Отец его был средней руки солигаличский купец, торговавший солью. Воспитывали стро-го — в безоговорочном почтении к родителям и ревности к веро-ванию, отчего со стороны уважительно назывались «крепак». И действительно, не было крепче купеческого слова, чем в старо-обрядческом торгово-промышленном капитале. Понятия о кре-постной неволе также не было, поскольку по круговой поруке ссужали друг другу деньги на выкуп и на покупку рекрутских квитанций. Светское образование не признавали, грамоту брали из Священного писания, дураками не слыли. Знавшие Кокорева вспоминают, что отсутствие академических знаний он воспол-нял чтением и стал человеком глубокой культуры.

«Долгая нефть»

Кокорев нанял первоклассных специалистов и самолично проштудировал «Курс горного искусства» А. И. Узатиса — капита-на Корпуса горных инженеров. С первой же скважиной повезло. После пройденного сплошного камня в три с половиной сажени пошел нефтяной грунт. Начав промысел, Кокорев стал приобре-тать на откуп один участок за другим, но не спешил закладывать сразу большое количество новых скважин в мечтаниях о быстрой прибыли. Он округлял свои нефтяные владения таким образом, чтобы иметь «долгую нефть».

Первые скважины Кокорев сосредоточил по краям своего нефтяного поля, выбирая соседскую нефть (как видим, не гну-шался подсосов). Потом постепенно, с годами, переносил добы-чу к центру владения. В результате он имел стабильные объемы, что было для него очень важно, поскольку нефть не шла на про-дажу, а обеспечивала сырье керосиновому заводу.

Технических мелочей было много. Где сам соображал, где ум-ных людей слушал. Свою продукцию, керосин, назвал «фотонаф-тиль», желая подчеркнуть качество — более светлый цвет в отли-чие от импортного американского. Одним из первых добытчиков применил при тартании более емкие желонки. На ключевые по-сты завез и обучил нефтяному делу рабочих — мастеров из России. Чтобы успокоить страхи перед дальней перевозкой такого огне-опасного продукта, как нефть, самолично ткнул зажженной лу-чиной в полный чан. Зашипело и погасло — доказал.

На промыслах процветал соблазнительный метод взаимных подсосов, когда добытчики старались бурить как можно ближе к соседу, чтобы поскорее воспользоваться общим пластом. Но и сосед поступал так же. В итоге нефтеносный слой стремительно истощался, и за неразумную жадность оказывались наказанными оба владельца.

«Откупщицкий царь»

Разбогател Кокорев на винных откупах и на своем уме. Сначала послужил поверенным у одного из виноторговцев, быстро и всесторонне вник в суть дела и понял, что втиснуться в их ряды его капитала не хватит. И тогда зашел с другого конца. В 1844 году он подал «Записку» о необходимых реформах в откупном хозяйстве. Питейный доход составлял в то время едва ли не половину государственного бюджета, и поэтому мысль об упорядочении приветствовалась финансовой администрацией. Тем более что была она весьма толковой и предлагала «придать торговле вином увлекательное направление в рассуждении цивилизации» – ввести систему акцизно-откупного комиссионерства, иначе говоря, торги. Проект повсеместно пустили в жизнь, а сам Кокорев получил в откуп крайне выгодную Орловскую губернию. Силу приобрел немалую, о чем говорит результат его конфликта с губернатором князем Трубецким, нажаловавшимся в министерство финансов на самовластие откупщика. Петербург одной рукой сделал Кокореву вялое внушение, а другой отдал в его распоряжение еще и Калужскую губернию.

Чего ради некоронованный король виноторговли, которого Савва Мамонтов называл «откупщицкий царь», обратил свои интересы от коренного отечественного питейного производства к неизведанному и экзотическому нефтяному? «Хитрого нету, – посмеивался Василий Александрович на недоуменные вопросы. – Там гонишь – горилка, здесь гонишь – горючка, а на рубль два у меня всегда накрут будет!» Однако руководили им, разумеется, отнюдь не шутейные соображения. На то и купеческий талант, чтобы углядеть выгодное перспективное дело и оказаться в нужное время в нужном месте с полным кошельком. И талант этот не изменял Кокореву почти всю его долгую жизнь...

В начале 1860-х годов винная откупная система стала себя изживать в связи – как это ни странно узнать сегодняшнему читателю – с «движением народа к трезвости». Доходы упали, и государство решило ввести акцизную систему. Откупа ускользали из рук.

Кокорев, заранее предчувствуя перемены, уже приискивал место вложения своих капиталов, сильно умноженных в Крымскую кампанию поставками вина армии. Естественно, что его взор устремился туда, где сохранялась знакомая ему откупная система – к бакинским нефтепромыслам. Важно и то, что еще в 1859 году он вошел крупными паями в Волжско-Каспийское общество пароходства и торговли «Кавказ и Меркурий» и учел все выгоды собственной водной транспортировки нефтепродуктов в промышленные районы России.

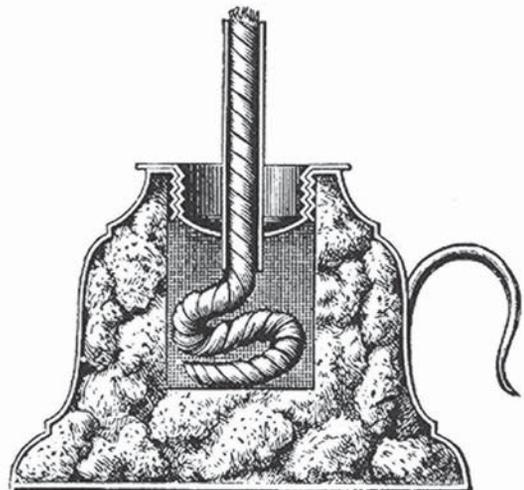
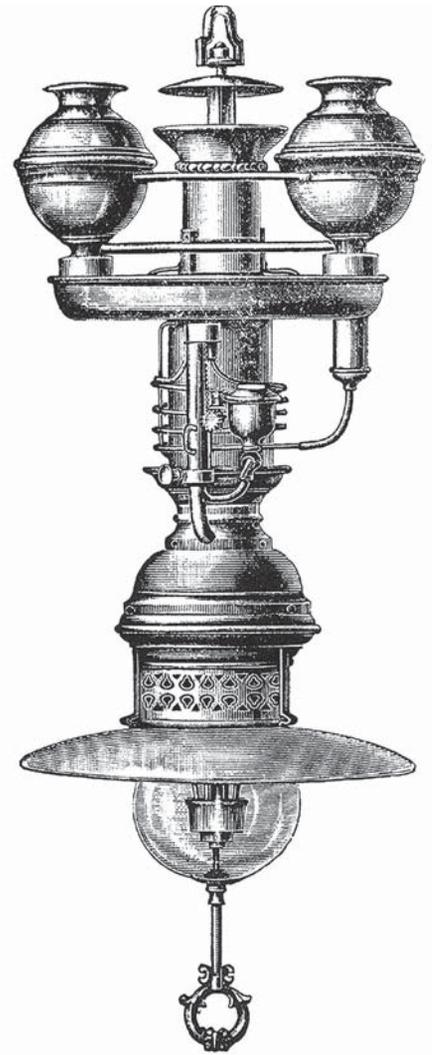
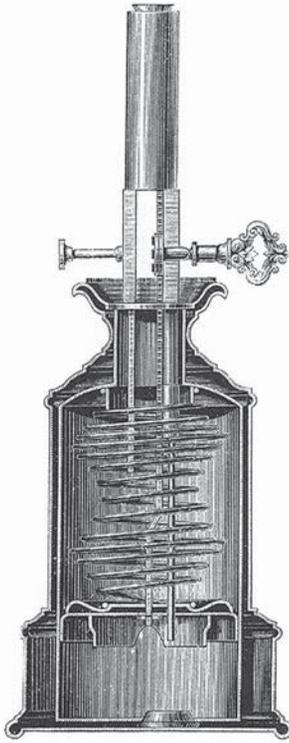
Мокрые дрова и керосиновые реки

С изобретением керосиновой лампы спрос на керосин повышался поистине с революционной быстротой. Повсеместно

Откупщики, страшая государство банкротством казны, явились с новым предложением проекта агентства по питейному сбору и товарищества железных дорог. Они обязались сохранить питейные доходы и построить на них 2800 верст железных дорог. Но дело не выгорело – потеснила французская концессия.

В середине XIX века бесконечные дровяные обозы были главной приметой промышленных окраин Москвы. Картина буквального «пожирания» лесов выглядела столь впечатляющей, что в 1849 году генерал-губернатор А. А. Закревский предъявил всем фабрикантам требования заменять дрова торфом. Но дело было убыточным, и поэтому штабели торфа держали напоказ, для удовлетворения начальства. Попадались, платили штрафы, но упорно жгли дрова. Генерал Закревский, герой Аустерлица, с фабрикантской выгодой справиться не смог...

Керосиновые лампы.
Вторая половина XIX в.

развивалось городское уличное керосиновое освещение. Новые светильники входили в дома и публичные учреждения.

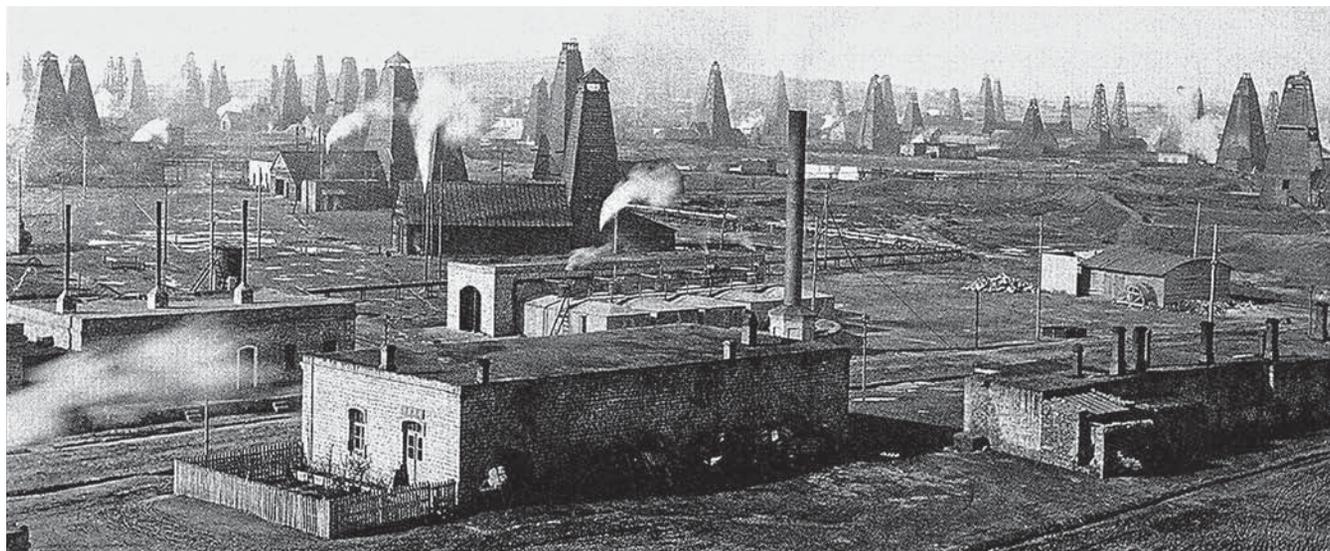
Стараясь насытить нарастающие потребности в керосине и мазутных остатках от перегонки нефти, которые шли на топливо в промышленность, Кокорев главным делом считал снижение себестоимости продукции. Он дотошно прослеживал затраты по всей цепочке добычи, переработки, транспортировки и сбыта. На снижение себестоимости работала и нефтеналивная флотилия Волжско-Каспийского пароходства, в котором Кокорев был крупнейшим пайщиком. Выигрыш был и при загрузке собственного продукта, и при фрахтах на перевозку чужого мазута, расхोдившегося по предприятиям Волжского бассейна. Позже В. П. Рябушинский вспоминал: «Мы же, северные фабрики, сидевшие на самом скверном топливе в мире, на мокрых сплавных дровах, не имея возможности перейти на нефть, могли только облизываться, высчитывая, почем на пуд ткани топлива ложится у нас и почем у волгарей...».

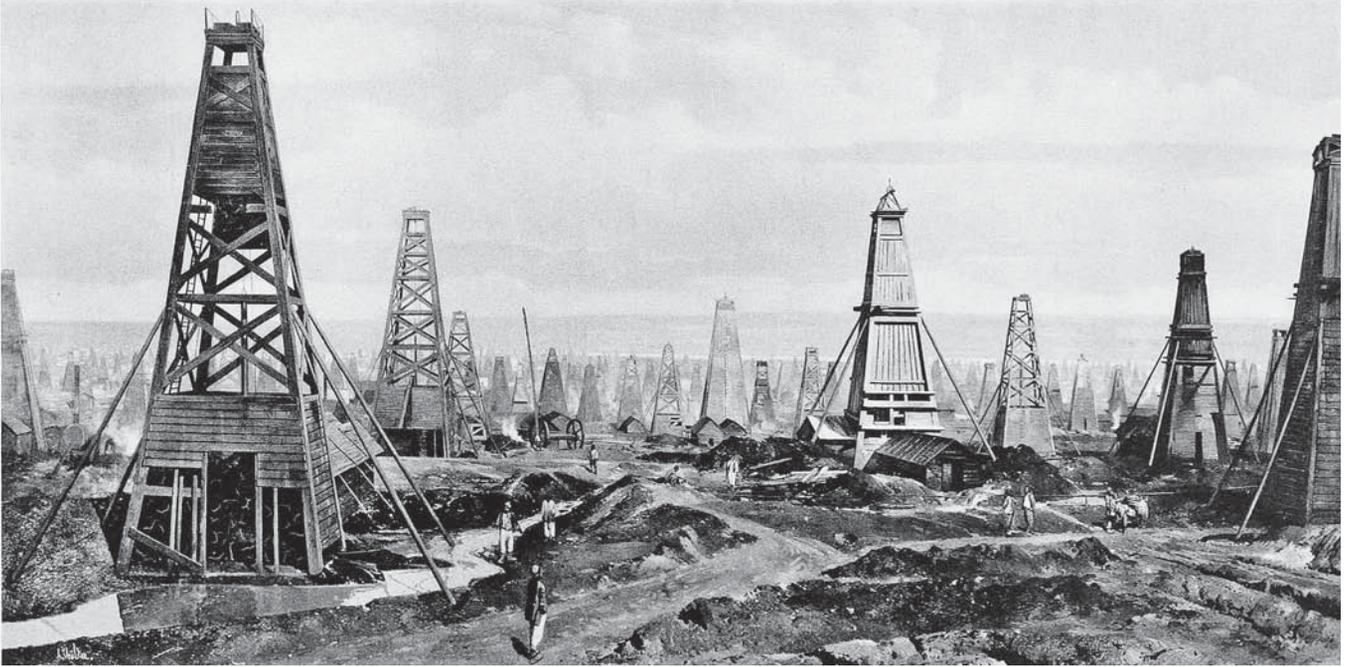
В России повсеместно в огромных количествах сжигались дрова. Потребности в керосине нарастали. В 1863 году стал поставлять керосин завод в Дрогобыче; затем, в 1868 году, был пущен Фанагорийский нефтеперегонный завод А. Н. Новосильцева, мощностью до 300 тысяч пудов нефти в год; в Москве — завод «Акционерного общества К. Зиллер», в Грозном — завод И. Ахвердова. Различные продукты перегонки поступали с заводов купца Ф. И. Смольянинова и Н. А. Соханского в Керчи, Варинского в Нижнем Новгороде, инженера и предпринимателя В. И. Рагозина в Балахне на Волге и в селе Константиново под Ярославлем, где заводская лаборатория стала исследовательской базой для Д. И. Менделеева.

Справедливости ради надо заметить, что российский рынок первоначально в немалой степени насыщался ввозным

До начала употребления керосина в Большом театре зала освещалась огромной люстрой в сорок ламп, в которых горел олеин — производное вещество при изготовлении стеариновых свечей из животного жира. Можно вообразить, какие стояли копоты и чад. Случалось, что во время спектакля лопались лампы и на головы театралов падали стекла, пока дирекция не догадалась поместить под люстрой тонкую сетку. Техническим прогрессом считались масляные лампы «кенкет», где резервуар с маслом помещался не под, а над горелкой...

**Нефтяные промыслы
Апшерона. XIX в.**

Чёрный город близ Баку.
1886 г.

американским керосином. Однако осенью 1877 года министр финансов граф М. Х. Рейтерн перевел плату за казенные пошлины с импортного керосина на золотое исчисление, что придало таможенной пошлине едва ли не полузапретительный характер. Одновременно был отменен взимавшийся со своих промышленников казенный акциз на керосин, что существенно повысило прибыльность вложения капиталов в нефтепереработку. Импорт сократился более чем в пять раз, а количество керосина на внутреннем рынке увеличилось в 15 раз, но фискальные аппетиты на такую золотую несущую, как нефтяная отрасль, всегда были присущи российской казне.

Уже через десять лет, в 1888 году, министр И. А. Вышнеградский, профессор «от артиллерии», вновь ввел акциз на керосин. Да еще в поистине грабительском размере, почти в пять раз превышавшем себестоимость продукта даже у наиболее процветающей в России фирмы братьев Нобелей.

Мазутные озера

Казенный акциз на ходовой товар (кроме косвенного «налога на бедняков») затормозил керосиновый спрос, и — как следствие — изменились тенденции в развитии нефтяной промышленности. Производители обратились к судьбе «остатков» — так раньше называли мазут. Дело в том, что при перегонке тяжелой бакинской нефти на керосин и получении из нее других веществ примерно 70–80 процентов оказывалось в отходах. На нефтезаводах скапливалось огромное количество «остатков», сливаемых в специально вырытые ямы. Проблему переполнения решали

Историку нефтяного хозяйства России В. И. Фролову попалось в делах Кавказского наместничества свидетельство о хитрости заводчиков, придумавших во время посещения наместником промыслов покатаить его на лодке по озеру с «бросовым» мазутом, чтобы наглядно и «обонятельно» убедить вельможного администратора в масштабе проблемы.

Часть первая. Новая, многообещающая эра

радикальным способом, который у сегодняшних экологов и энергетиков вызвал бы шок. Их попросту сжигали. Правда, для этого нужно было получить разрешение у властей; разумеется, мазутные озера были замечательной кормушкой для местного чиновничества, выдававшего эти разрешения.

И вот на топливное попрание вступил мазут, «оснащенный» форсункой и, в отличие от керосина, не подвергнутый непомерному казенному акцизу. Бакинская нефтяная промышленность стала не керосиновой, а мазутной. Доходило до того, что промышленники подмешивали к «остаткам» сырую нефть, стремясь подойти к самым крайним пределам установленного стандарта на мазут. Подсчитано, что казна теряла примерно 30 миллионов рублей ежегодно, так как заводчики добывали из нефти меньше керосина. Доходы, полученные от мазута, стали основными. К тому же мазут оказался наиболее выгодным дальнепривозным топливом.

Работа у фонтанирующей скважины: очистка нефтяных ям

